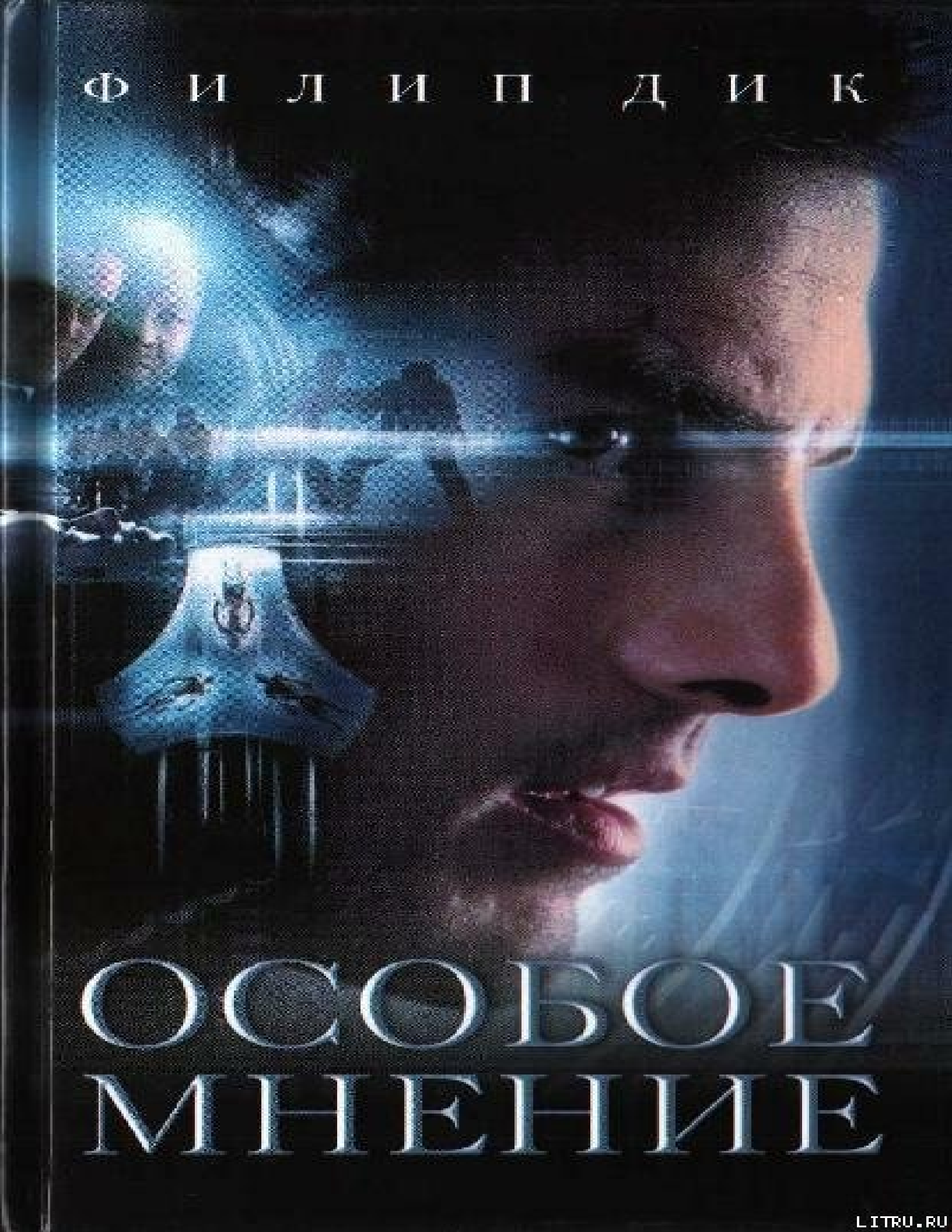
ФИЛИП ДИК



ОСОБОЕ МНЕНИЕ

LITRU.RU

Annotation

Контракт, заключенный Дженнингсом с “Ретрик Констракшн”, включал в себя несколько очень любопытных пунктов, с последствиями которых ему теперь пришлось столкнуться. Полностью стертые воспоминания, относящиеся к двум годам службы, и “замена предусмотренного контрактом денежного вознаграждения на какие-либо предметы и материалы, лично отобранные второй стороной” (т.е. работником). Но что же могло заставить человека, находящегося в здравом уме, отказаться от солидного денежного вознаграждения и заменить его кодовым ключом от непонятно какой двери, обрывком билета, депозитной квитанцией за какой-то “пакет”, куском проволоки, половинкой покерной фишки, полоской зеленой материи и автобусным жетоном? И каково же оказывается удивление Дженнингса, когда один за другим перечисленные предметы становятся для него жизненно важными и ведут к желаемой цели — получить от компании Ретрика полный расчет.

- Филип Киндред Дик. Полный расчет
-
-
-
-
-
- notes
  - 1
  - 2

Филип Киндред Дик. Полный расчет

Перевод М. Пчелинцева

И вдруг словно включили кинопроектор, и звук и картинку. Ровно гудели двигатели, под крылом маленького частного ракетоплана проплывали поля и какие-то поселки.

— Уф-ф, — сказал он и потер ладонями виски.

— Приходите в себя?

На соседнем сиденье — Эрл Ретрик, глаза его светятся живым интересом.

— Где мы? — Дженнингс помотал головой, пытаясь стряхнуть тупую пульсирующую боль. — Я понимаю, что мой вопрос не слишком точно сформулирован. — Было уже ясно, что никакая сейчас не осень, а весна. Поля внизу сверкали молодой, изумрудной зеленью, а ведь какие-то секунды назад он входил вместе с Ретриком в лифт, и было это в Нью-Йорке, поздней осенью.

— Да, — сказал Ретрик, — прошло уже два года. За это время многое изменилось. Тогдашнее правительство пало несколько месяцев назад. Новое правительство еще жестче. ПБ, полиция безопасности, получила почти неограниченную власть. Детей теперь учат доносить на родителей. Впрочем, мы давно понимали, что к тому все и идет. Что же еще-то интересного? Нью-Иорк заметно разросся. Сан-Францисский залив то ли кончают засыпать, то ли уже засыпали.

— Больше всего мне хотелось бы узнать, какого черта я делал последние два года.— Дженнингс нашарил в кармане сигареты и нервно закурил. — Вот *это* — это вы можете мне сказать?

— Нет конечно же, о чем мы вас заранее предупреждали.

— Куда мы летим?

— Домой, в наш нью-йоркский офис. Где мы с вами впервые встретились, помните? Глупые вопросы я задаю; ну, конечно, вы помните, и гораздо лучше, чем я. Для вас же это было вчера.

Дженнингс кивнул. Два года! Два года, начисто вычеркнутые из жизни. Это казалось диким, невероятным. Входя в лифт, он еще продолжал что-то решать, спорить с самим собой. Может, плюнуть на все и отказаться? Платят, конечно же, много — даже по его стандартам много, — но хотят-то, если разобраться, еще больше. Он до конца своих дней будет терзаться вопросом, что же это там была за работа? Вполне ли за-конная? А вдруг... Но было уже поздно что-то там передумывать. На этом самом месте мысли его оборвались, а потом — этот ракетоплан и тупая боль в голове.

— Я уже получил расчет? — Он вынул бумажник, заглянул внутрь. — Похоже, что нет.

— Не получили. С вами расплатится Келли, в конторе.

— Полный расчет?

— Да. Все пятьдесят тысяч кредитов.

Дженнингс улыбнулся. Вот ерунда вроде бы, просто названа вслух заранее известная сумма, а все равно как-то теплее на сердце. Может, не так все и плохо. Ну, примерно, как если бы тебе заплатили за то, что ты поспишь.

Вот только сон этот продолжался целых два года. Он стал на два года старше, жить ему

осталось на два года меньше. Вроде как продал часть самого себя, часть своей жизни, а жизнь в наше время — штука дорогая. Да ладно, сейчас-то чего терзаться? Раньше надо было думать.

— Почти долетели, — сказал Ретрик. Автопилот повел машину на снижение, за иллюминаторами замелькали нью-йоркские пригороды. — Как знать, может, я вас больше уже и не увижу, так что, — он протянул Дженнингсу руку, — давайте попрощаемся. А в качестве частичного ответа на ваш вопрос могу сказать, что все это время мы с вами работали буквально бок о бок, и это было для меня истинным удовольствием. Вы едва ли не самый лучший электроник, какого я только видел, так что мы ничуть не прогадали, взяв вас на работу, даже за такое жалованье. Вы отработали его сторицей, хотя сами того и не помните.

— Весьма приятно слышать, что я стоил своего прокорма. — Похоже, вы на нас все-таки злитесь.

— Нет. Я просто пытаюсь сжиться с мыслью, что так вот вдруг постарел на два года.

— Ну, — рассмеялся Ретрик, — вы все равно еще очень молоды. А получить сейчас все, что вам причитается, так и настроение станет получше.

Ракетоплан доставил их прямо на крышу высокого административного корпуса. Ретрик вышел на пятачок посадочной площадки первым и, не задерживаясь, направился к лифту. Войдя следом за ним в кабину, Дженнингс испытал некоторое потрясение. Эти стены, эти зеркала были последним, что он видел перед тем, как все померкло, а потом вдруг — салон ракетоплана и тупая боль в висках.

— Келли вам обрадуется, — заметил Ретрик, выходя в широкий, ярко освещенный коридор. — Она уже несколько раз о вас спрашивала.

— Что вдруг?

— Заметный, говорит парень, и лицо неглупое.

Ретрик приложил кодовый ключ к панели, и дверь в роскошный офис компании «Ретрик Констракшн» распахнулась. Симпатичная девушка, сидевшая за длинным, красного дерева столом, сосредоточенно изучала какой-то документ.

— Келли, — окликнул ее Ретрик, — посмотри, кого я сегодня привел.

— Хелло, мистер Дженнингс. — улыбнулась девушка. — Ну как, приятно вернуться в знакомую обстановку?

— Очень, — хмуро откликнулся Дженнингс и подошел к столу — Вот, Ретрик говорит, что вы у них за кассира.

Ну что ж, дружище, счастливо оставаться, а мне пора к себе, на завод. — Ретрик хлопнул его по плечу, шагнул было к двери, но остановился и добавил:

— А если вам вдруг позарез понадобятся деньги — заходите, я охотно заключу с вами новый контракт.

Дженнингс молча кивнул. Подождав, пока дверь за Ретриком закроется, он сел на один из стоявших у стола стульев.

— Ну что ж, мистер Дженнингс, — сказала Келли, открывая верхний ящик стола,— вы свое оттрубили, и «Ретрик Констракшн» готова с вами рассчитаться. У вас при себе ваш экземпляр контракта?

— Да. — Дженнингс бросил на стол чуть помятый конверт. — Вот он.

Келли достала из ящика небольшой клеенчатый мешочек и какой-то от руки написанный документ, мешочек она придвинула к Дженнингсу, а сложенный пополам документ развернула и начала читать.

— В чем дело? — насторожился Дженнингс, заметив, что по ее липу пробежала тень.

— Боюсь, это будет для вас сюрпризом. Вот, — Келли вернула ему конверт с контрактом, — перечитайте это повнимательнее.

— Зачем? — удивился Дженнингс, открывая конверт.

— Обратите внимание на последнюю статью. «По желанию второй договаривающейся стороны в любой момент до завершения срока действия настоящего контракта...»

— «... возможна замена предусмотренного данным контрактом денежного вознаграждения на какие-либо предметы и материалы, лично отобранные второй стороной и представляющиеся ей достаточно ценными для замены вышеупомянутого денежного...»

Дженнингс схватил клеенчатый мешочек и вытряхнул его содержимое на стол. И вскочил на ноги.

— Где Ретрик? Если он думает что такие шутки пройдут ему…

— Ретрик здесь абсолютно ни при чем, все было сделано по вашей собственной просьбе. Вот, — Келли протянула ему исписанные листки бумаги, — взгляните на это. Вы же сами это писали. Это была ваша идея, а совсем не наша. Ну честно, — улыбнулась она, — с людьми, которых мы берем по контракту, такое иногда случается, поработают, поработают и вдруг решат что возьмут вместо денег что-нибудь другое. Не знаю уж почему. А потом возвращаются с очищенной памятью и видят свою расписку...

Дженнингс бегло просмотрел злосчастные листки. Ну да, сомневаться не приходится, он сам все это и написал. Его руки начали подрагивать.

— Почерк и вправду мой, но все равно я не верю. — Он скрипнул зубами и сложил расписку пополам. — Там со мной что-то сделали, иначе бы я такого не написал.

— Видимо, у вас была к тому серьезная причина. Честно говоря, я и сама не вижу тут никакого смысла, но мы ведь просто не знаем, что определило ваш выбор. И не думайте, что вы первый, кто оказался в таком положении, я видела и других.

Дженнингс еще раз окинул взглядом лежащие на столе предметы. Кодовый ключ от невесть какой двери. Обрывок билета. Депозитная квитанция за какой-то «пакет», сданный на хранение в какой-то там банк. Свернутый колечком кусок тонкой, довольно упругой проволоки. Грубо отломанная половинка покерной фишки. Полоска зеленой материи. Автобусный жетон.

— И это, — пробормотал он, — вместо пятидесяти тысяч. Два года псу под...

***

Дженнингс вышел на захлебывающуюся транспортом улицу, в его голове царило полное смятение. Это что же получается? Надули? Он сунул руку в карман и пощупал свой «заработок» — обломок покерной фишки и прочую ерунду. И это — за два года, вычеркнутых из жизни! Но он же видел им самим и написанную просьбу о замене! Ну прямо как в сказке про Джека и бобовый стебель[1]. И зачем, чего это ради? Что толкнуло его на столь дикий поступок?

На углу он остановился, чтобы пропустить патрульную машину, нагло ехавшую по тротуару.

— Ладно, Дженнингс, погулял и хватит. Залезай.

Дженнингс дернулся и вскинул глаза. Дверца патрульной машины была открыта. Человек на заднем сиденье с бедра направлял ему в живот тепловое ружье. Человек в голубой с прозеленью форме. Полиция безопасности, всесильная ПБ.

Он послушно сел в машину, дверца захлопнулась, негромко щелкнув магнитным замком. Словно в сейфе. Машина вывернула на мостовую и неспешно покатила вдоль обочины. Дженнингс обреченно вздохнул и откинулся на спинку. Тот пэбэшник, что целился ему в живот, опустил свою пушку. Его дружок мгновенно обшарил Дженнингса с головы до ног и

выгреб из его карманов все, что там было — бумажник, конверт с контрактом и горстку хлама, достойное вознаграждение за долгую, безупречную службу.

— Что там у него есть? — полюбопытствовал водитель.

— Бумажник, деньги. Контракт с «Ретрик Констракшн». Оружия нет.

Пэбэшник секунду подумал и вернул Дженнингсу все его хозяйство.

— А в чем, собственно, дело? — запоздало возмутился Дженнингс.

— Мы хотим задать вам пару вопросов, вот и все. Вы работали на Ретрика?

— Да.

— Два года?

— Чуть меньше.

— На Заводе?

— Да, — кивнул Дженнингс, — скорее всего.

— А где он, этот Завод, мистер Дженнингс? Где он расположен?

— Я не знаю.

— Не знаете? — Полицейские переглянулись. Первый, мужик с живым, резко очерченным лицом, провел кончиком языка по пересохшим губам. — Хорошо, тогда еще один вопрос. Последний. Что вы делали в течение этих двух лет? В чем состояла ваша работа?

— Я специалист по ремонту и наладке электронной аппаратуры. Именно это я там и делал — ремонтировал и налаживал электронику.

— Какую *именно* электронику?

— Я не знаю. — Дженнингс взглянул на пэбэшника и не сдержал иронической усмешки. — Вы уж извините, но так оно и есть. Я действительно не знаю.

Секунду или две пэбэшник молчал, переваривая услышанное, а затем еще раз облизнул губы и заговорил чуть жестче.

— Как это — не знаете? Вы хотите сказать, что проработали с этой аппаратурой целых два года, но так и не поняли, что она такое? А заодно так и не смогли разобраться, где вы находитесь?

— А в чем, собственно, дело? — взвился Дженнингс. — За что вы меня задержали? Я ничего не нарушал. Я просто...

— Никто с вами не спорит, И мы совсем не собираемся вас арестовывать, а просто хотим получить некоторые сведения о компании «Ретрик Констракшн». А вы работали на них, на их пресловутом Заводе. И можно ручаться, что работа ваша была достаточно ответственной. Вы ведь электроник?

— Да.

— Вы ремонтируете высококлассные компьютеры и прочую аналогичную технику? Согласно нашим данным... — полицейский полистал записную книжку, — вас считают одним из лучших специалистов в этой области.

Дженнингс воздержался от комментариев.

— Скажите нам ровно две вещи, и мы вас тут же отпустим. Где расположен завод компании «Ретрик»? Что там делают? Вы ведь обслуживали их технику, верно? Целых два года.

— Наверное, да. Хотите — верьте, хотите — нет, но я могу только догадываться, чем я занимался эти два года, а точно ничего не знаю, — устало сказал Дженнингс. — А насчет того, где это место, у меня и догадок никаких нет.

Пэбэшники молчали. Дженнингс отрешенно смотрел в пол.

— Ну и что будем делать? — спросил наконец водитель. — На такой случай у нас нет ни инструкций, ни стандартной процедуры.

— Отвезем его в отделение, здесь не лучшая обстановка для допроса.

По улице струился сплошной поток пешеходов, автобусов и машин — люди кончили работу и теперь спешили вернуться в свои спальные районы и пригородные поселки.

— Дженнингс, — вздохнул первый полицейский, — ну почему вы упираетесь? Что это с вами? Ну ответьте вы на пару простейших вопросов, и дело с концом. Разве вы не хотите помочь своему правительству? У вас же нет ни малейших оснований скрывать эту информацию.

— Да будь у меня эта самая информация, я бы давно ее вам выложил.

Полицейский скептически хмыкнул и смолк. Прошло еще несколько тоскливых минут, и патрульная машина остановилась у массивного каменного здания. Водитель выключил мотор, снял и спрятал в карман контрольный колпачок, а затем тронул дверь магнитным ключом и обернулся.

— Так что же мы будем с ним делать? Вообще-то нам не полагается доставлять…

— Подожди.

Водитель пожал плечами и вышел на тротуар, двое других последовали его примеру. Трижды хлопнули дверцы, трижды щелкнули магнитные замки. Полицейские подошли к местному отделению ПБ, остановились и начали о чем-то спорить.

Дженнингсу хотелось взвыть от тоски. Пэбэшники интересовались «Ретрик Констракшн», а он ничего не мог им сказать, потому что ничего не знал. Но как это докажешь? Два года, начисто стертые из памяти, ну кто же в такое поверит? Он и сам бы ни за что не поверил.

Мысли Дженнингса вернулись к тому моменту, когда он увидел это объявление. Оно сразу его зацепило, зацепило намертво. Требуется наладчик, и тут же описание будущей работы — туманное, с массой недоговорок, однако вполне достаточное, чтобы понять: это по его линии. И зарплата, зарплата!

Собеседование в офисе. Тесты, анкеты. И постепенное понимание, что компания знает про него практически все, а он так ничего про нее и не узнал. Чем они занимаются? Конструированием, но *что* они конструируют? С какой аппаратурой они работают? Но все эти вопросы терялись в тени невероятной зарплаты. Пятьдесят тысяч за два года...

А в конце все эти два года будут начисто стерты из его памяти. Он долго не мог согласиться с этим пунктом контракта, но в конце концов махнул рукой.

Дженнингс оторвался от воспоминаний и посмотрел в окно. Три пэбэшника все еще спорили, решая судьбу упрямого задержанного. Он оказался в безвыходном положении, не мог ни ответить на их вопросы, ни доказать им, что именно не *может* , а не не хочет, упирается. Они не поверят никаким разговорам про стертую память и попросту возьмут его в обработку, а кто же не знает, как это у них делается. В конечном итоге они ему поверят, жаль только, что к тому времени... Дженнингс зябко поежился. Надо бежать, но как, как? Он осторожно подергал дверцу. Заперта. Кто бы сомневался. Как-то ему довелось поучаствовать в конструировании одной из моделей магнитного замка, и потому он отчетливо знал, что без ключа эту штуку не откроешь. Можно бы, конечно, коротнуть запирающий механизм, да чем тут его коротнешь?

Дженнингс безнадежно огляделся по сторонам. Если закоротить — то есть фактически выжечь — замок, появится пусть крошечный, но все же шанс уйти от этих бирюзовых красавцев. А стрелять в такой, как сейчас, толкучке, на это даже у пэбэшников духу не хватит. Нужно только затесаться в эту самую толкучку.

Полицейские что-то там решили. Один из них направился в отделение, двое других неспешно пошли к патрульной машине. Через несколько секунд они будут здесь, и тогда — все. Дженнингс сунул руку в карман и выгреб оттуда ключ, половинку покерной фишки, колечко проволоки... Проволока!

Тонкая, не толще волоса. Изолированная? Похоже, что нет.

Дженнингс встал на колени и пробежался пальцами по поверхности дверцы. По самому

краю замка тянулась еле ощутимая бороздка, бритвенно тонкий зазор между замком и постановочным гнездом. Аккуратно, стараясь не делать резких движений, он ввел в зазор кончик упругой проволоки. Она вошла туда примерно на дюйм. Затаив дыхание, Дженнингс передвинул проволоку вдоль зазора, слегка ее покрутил. Контакт должен быть где-то...

Вспышка!

Не обращая внимания на плывущие перед глазами круги, он налег плечом, и дверца распахнулась, над оплавленным замком вились струйки дыма. Скорее, скорее, стучало в его голове. Скорее. Он кубарем выкатился чуть не под колеса несущихся по улице машин и мгновенно встал на ноги. Под истерический рев автомобильных сигналов он проскочил прямо перед носом тяжелого грузовика, едва не попал под колеса крошечной одноместной машины и оказался на разделительной полосе. В спешащей по тротуару толпе мелькнули растерянные лица двоих пэбэшников.

В потоке машин показалась громоздкая туша автобуса, под завязку набитого возвращающимися с работы клерками. Дженнингс уцепился за задний поручень и вскочил на подножку. Со всех сторон разворачивались на него бледные луны изумленных лиц. Раздраженно жужжа, по проходу подкатил робот-кондуктор.

— Сэр, — начал идиотский механизм, — правилами не разрешается...

Автобус начал замедлять ход.

— Сейчас, сейчас, — бросил Дженнингс; неожиданное открытие наполнило его бурным, брызжущим через край ликованием, хотя еще секунду назад будущее виделось ему в самом черном свете.

Два года жизни выкинуты псу под хвост. Полиция безопасности полна решимости узнать от него то, чего он и сам не знает. Абсолютно безнадежная ситуация! И вдруг в этой кромешной тьме забрезжил свет.

Он небрежно сунул руку в карман, достал автобусный жетон и затолкнул его в прорезь на железной груди кондуктора.

— Порядок?

Автобус вздрогнул и начал снова набирать ход. Кондуктор равнодушно отвернулся, раздраженное жужжание стихло, да и окружающие, похоже, утратили к странновато ведущему себя человеку всякий интерес. Все было О'КЕЙ!

Дженнингс торжествующе улыбнулся, протиснулся мимо сгрудившихся у выхода пассажиров, нашел свободное место и сел. Чтобы спокойно подумать. А подумать было о чем. Мысли метались в его голове, как рыбы в тесном аквариуме.

Автобус плыл, чуть покачиваясь, в бесконечном потоке легковушек, грузовиков, других автобусов. Дженнингс не смотрел в окно, не видел сидящих и стоящих вокруг людей. Было ясно как дважды два, что можно выкинуть из головы все прежние подозрения. Никто и не думал его обманывать. Выбор был сделан им самим — и весьма разумно. Удивительно, конечно, что он предпочел горстку хлама пятидесяти тысячам кредитов, но во сто раз удивительнее, что этот хлам оказался ценнее любых денег. Кусок проволоки и автобусный жетон спасли его из цепких лап Полиции Безопасности, а это — услуга воистину бесценная. В мрачных недрах этой организации ему не помогли бы никакие деньги. А ведь пять предметов еще остались. Для чего они? Скорее всего, будущая роль каждого из них окажется ничуть не менее важной.

Но остается загадка: откуда его недавнее, стертое из памяти «я» знало, что когда-то в будущем автобусный жетон и кусок проволоки смогут спасти ему жизнь? А ведь «он» прошлый это, конечно же, знал. Знал наперед. Откуда? А остальные предметы? Они что, тоже будут вытаскивать его изо всяких передряг? Или их роль будет какой-то иной?

«Он» прошедших двух лет знал вещи, и по сю пору неизвестные ему теперешнему, вещи,

канувшие в безвестность, когда подручные Ретрика стирали часть его памяти. Стирали, как ненужную информацию, из банка данных вычислительной машины. Стирали начисто. От этих двух лет не осталось ровно ничего. Нет, не «ровно», а ничего, кроме этих семи «бобовых зернышек», пять из которых все еще лежат у него в кармане.

И все же главная проблема сейчас не в этом, она не лежит в области туманных догадок, а вполне конкретна. Вот сейчас, в эту самую секунду, пэбэшники землю носом роют стараясь его найти. У них есть его имя и описание внешности. О возвращении в свою квартиру и думать нельзя — даже если она сохранилась, эта самая квартира. А что тогда? Гостиницы? ПБ прочесывает их на регулярной основе. Друзья? Это значило бы поставить их под удар, ПБ все равно его найдет рано или поздно, не на квартире друга, так на улице — или в кафе — или в кинотеатре — или в какой-нибудь ночлежке. У них, у пэбэшников, везде глаза и уши.

Везде? Ну, не то чтобы совсем уж везде. В отличие от каждого, отдельно взятого человека, бизнес не был беззащитным. Большие экономические силы сумели сохранить свою свободу, хотя практически все остальное подпало под власть правительства. Законы, переставшие защищать личность, все еще стояли на страже собственности и бизнеса. ПБ могла арестовать любого человека, однако корпорации все еще были ей не подвластны. Странным образом в середине двадцатого века возродился древний институт святилища.

Бизнес, промышленность, корпорации могли не опасаться произвола, любые действия против них должны были осуществляться сугубо в рамках юридического процесса. ПБ относилась к «Ретрик Констракшн» с величайшим подозрением, однако не могла ничего сделать, пока компания не попадется на какой-нибудь противозаконной деятельности. Вернувшись к Ретрику, попав на территорию его компании, Дженнингс будет в безопасности. Он мрачно усмехнулся. Современный храм, право святилища. Только теперь уже это противостояние Правительства и Бизнеса, а не Государства и Церкви, как когда-то. Такой тебе новый Нотр-Дам, место, недоступное для слуг закона.

Возьмет ли его Ретрик? Да, конечно — на тех же, что и раньше, условиях. Он же сам предлагал. Еще два года прочь из жизни, а потом — пожалуйте на улицу. Будет от этого какой-нибудь реальный толк? И тут Дженнингс снова подумал о пяти оставшихся подарках от своего прошлого, стертого из памяти «я». Конечно же, *он* считал, что они будут использованы. Нет, не нужно возвращаться к Ретрику, не нужно заключать новый контракт. Тот, прошлый Дженнингс имел в виду нечто другое, более долговременное. И, кстати, Компания «Ретрик Констракшн» — что же такое они там конструируют? Что узнал он об их делах за эти два года? И почему они вызывают у ПБ такой интерес?

Дженнингс достал из кармана пять никчемных с виду, но очень, видимо, важных предметов и еще раз к ним присмотрелся. Полоска зеленой ткани. Кодовый ключ. Обрывок билета. Квитанция за сверток. Обломок покерной фишки. Хлам хламом, а поди ж ты — ценность.

И все это как-то завязано на «Ретрик Констракшн».

Как ни крути, получалось, что все ответы коренятся в Ретрике, в его компании. А где она, эта компания? Дженнингс не имел ни малейшего представления, где расположен столь интересующий пэбэшников завод. Он знал, где находится офис, большая, роскошная комната с симпатичной девушкой, сидящей за столом из настоящего красного дерева. Но это — именно *офис* , а не компания, не завод. Так где же он находится, этот самый Завод? Ретрик, естественно, это знает, а кто еще? Келли говорила, что не знает. ПБ, видимо, тоже.

Где-то за пределами Нью-Йорка, это уж точно. Они добирались оттуда на ракетоплане. Скорее всего — в Соединенных Штатах, но не в городе, а где-нибудь в сельской местности. Да уж, в ситуацию он попал, хуже не придумаешь. Можно заложиться на что угодно, что пэбэшники его ищут, а если найдут, на этот раз не дадут сбежать. А спрятаться от них можно

только у Ретрика — что возвращает к вопросу: где находится проклятый Завод. Место, где он проработал почти два года. Два года, исчезнувшие без следа, если не считать... Дженнингс снова взглянул на свои пять пустяковин. Да помогут ли они?

На него накатила волна отчаяния. Возможно, это было простой случайностью — проволочка и автобусный жетон. Возможно... Дженнингс внимательно изучил квитанцию и с одной стороны, и с другой, и даже на просвет. И вдруг его желудок сжался в комок, в висках застучало. Нет, он не ошибся, проволочка и жетон совсем не случайны. Потому, что квитанция была помечена послезавтрашним днем. Этот «сверток», что бы в нем ни находилось, никуда еще не сдан и будет сдан только через двое суток.

Он посмотрел на остальные предметы. Клочок билета. Ну какой, скажите на милость, прок от этой мятой, тертой бумажки? Клочок билета никуда тебя не проведет, в лучшим случае он может рассказать, где ты был.

Где ты был!

Он аккуратно разгладил складки и попробовал разобрать напечатанное на билете. Текст был разорван поперек строчек, так что сохранилась только часть каждого слова.

КИНОТЕ
ПОР
СТЮАРТСВИ
АЙО

Дженнингс торжествующе улыбнулся. Вот оно. Место, где он был. Недостающие буквы угадывались без малейшего труда, так что информация была полной. И можно не сомневаться: он тогдашний предвидел такую ситуацию. Три из семи предметов использованы, осталось четыре. Стюартсвилл, Айова. А есть он, такой город? Наверняка есть. Дженнингс посмотрел в окно автобуса. До аэровокзала компании «Интерсити» оставалось чуть больше квартала. Чтобы добраться туда, потребуются какие-то секунды. Короткая пробежка от автобуса, если, конечно, ПБ за штаны не поймает…

Не поймает, не должна. А то к чему бы остальные четыре предмета? Ну а на ракетоплане он будет во временной безопасности. «Интерсити» — компания крупная, достаточно крупная, чтобы ПБ не дергала ее без очень серьезных к тому оснований. Дженнингс сунул свои не слишком презентабельные драгоценности в карман и дернул шнурок звонка.

Секунду спустя он был уже на тротуаре. До аэровокзала оставались какие-то десятки метров.

***

Ракетоплан высадил его на окраине городка на крошечную, заросшую пожухлой травой посадочную площадку. На площадке не было никого, кроме нескольких апатичных носильщиков, лениво перекладывавших какой-то багаж, а больше — отдыхавших от жары и от своих непосильных трудов в тени большого пыльного дерева.

Дженнингс зашел в зал ожидания и присмотрелся к окружающей публике. Люди как люди — рабочие, мелкие предприниматели, домашние хозяйки. Тот же самый набор, какой найдешь в любом другом городке Среднего Запада. Водители грузовиков. Старшеклассники и старшеклассницы.

Он пересек зал и вышел на улицу. Так вот, значит, где находится Завод Ретрика. *Возможно*. Если он верно понял смысл билетного обрывка. Так или иначе что-то здесь есть, иначе *он* не стал бы включать этот обрывок в число семи загадочных предметов.

Стюартсвилл, Айова. В голове Дженнингса начал брезжить некий, весьма еще смутный план. Он сунул руки в карманы и зашагал по улице, мимоходом присматриваясь к обстановке. Редакция местной газеты, маленькие столовые, гостиницы, бильярдные, парикмахерские, мастерская по ремонту телевизоров. Ракетный магазин, за огромными витринными стеклами сверкают щеголеватые ракетопланы. Просторные, на всю семью. В конце квартала подмигивает вывеска кинотеатра «Портола». Вот, значит, как он называется.

А дальше — фермы, поля, мили и мили зеленых лугов. В небе несколько громоздких транспортных ракет, таскающих туда-сюда фермерскую технику и всякие припасы. Маленький, заштатный городок. Самое место для «Ретрик Констракшн». Самое место, где может затеряться Завод, вдали от города, вдали от ПБ.

Дженнингс повернул назад; пройдя с квартал, он завернул в закусочную «У Боба» и сел за стойку. Молоденький очкарик, подошедший к нему минуты через две, торопливо вытирал руки о белый фартук.

— Кофе, — сказал Дженнингс.

— Кофе, — согласился очкарик и довольно быстро принес дымящуюся чашку. Народу в его забегаловке было раз-два и обчелся. В оконное стекло колотились две жирные прошлогодние мухи.

Снаружи, за окном тек редкий, ленивый ручеек фермеров и хозяек, вышедших из дома за покупками.

— А вот скажите, — начал Дженнингс, помешивая кофе, — если человек захочет найти здесь работу, куда ему лучше сунуться?

— Какую работу? — Очкарик подошел поближе и облокотился о стойку.

— Радио, электроника. Я электроник. Телевизоры, ракеты, компьютеры, все в этом роде.

— А что вам не попытать счастья в больших промышленных городах? Детройт. Чикаго. Нью-Йорк.

— Нет, — покачал головой Дженнингс. Терпеть не могу больших городов. Никогда их не любил.

— Да? — засмеялся очкарик. — А вот из здешних многие мечтают получить работу в Детройте. Так вы электроник?

— А нет тут каких-нибудь заводов? Ну, или ремонтных мастерских?

— Да нет, откуда у нас тут заводы, — сказал очкарик и пошел обслуживать подошедших клиентов.

Дженнингс убито ссутулился над остывшей чашкой. Ошибка? Может, плюнуть на этот Стюартсвилл, Айова и вернуться в Нью-Йорк? Скорее всего, он неверно истолковал обрывок билета. Но ведь *что-то* этот обрывок все-таки значит. Если только он не ошибся от начала до конца. Ну, на этот-то счет поздновато уже разбираться.

Обслужив клиентов, очкарик вернулся на свой боевой пост, к стойке.

— А вообще тут есть какая-нибудь работа? — спросил Дженнингс. — Хоть на несколько дней, а то я плотно сел на мель.

— На фермах всегда работы хватает.

— А как насчет гарантийных мастерских? Телевизионных и всяких.

— Чуть дальше по улице есть телевизионное ателье. Спросите у них, может и предложат что-нибудь. А на фермах прилично платят. Им теперь не хватает людей, парни-то почти все в армии. Вилами помахать не желаете?

— Да не то чтобы очень, — рассмеялся Дженнингс и положил на стойку пару монет. — Спасибо.

— А некоторые здешние мужики ходят иногда на приработки куда-то из города, по шоссе. Там вроде бы есть какой-то правительственный объект.

Дженнингс кивнул, толкнул раздвижную дверь и вышел на размякший от жары тротуар. Он шел куда попало, обдумывая в деталях свой фантастический план. Это был роскошный план, способный в случае удачи одним махом решить все проблемы. Но сперва требовалось найти «Ретрик Констракшн», для чего у него был один-единственный ключ — если это и вправду был ключ. Мятый, тертый обрывок билета, лежащий в его кармане. Ну и твердая вера в справедливость своих предположений.

Правительственный объект. Дженнингс остановился, взглянул по сторонам. На другой стороне улицы была стоянка такси, двое таксистов сидели в своих машинах, курили и читали одну и ту же газету. А что, попытка не пытка, тем более что все равно делать больше нечего. «Ретрик Констракшн» должна казаться на вид чем-то совсем другим. А действовать под видом правительственного объекта весьма удобно, никто не будет досаждать расспросами. Люди давно уже привыкли к завесе секретности, окружающей подобные заведения.

— Мистер, — сказал он, подойдя к первому таксисту, — вы не можете просветить меня по одному вопросу?

— По какому? — буркнул таксист, неохотно отрываясь от газеты.

— Говорят, тут рядом есть какой-то правительственный объект, где можно получить работу.

Таксист осмотрел Дженнингса с головы до ног и молча кивнул.

— А какая там у них работа?

— Не знаю.

— А где они нанимают людей?

— Не знаю

— Ну что ж, — пожал плечами Дженнингс и повернулся ко второй машине.— И на том спасибо.

— Они редко приезжают сюда за людьми, — сказал в спину ему таксист. — Да и берут-то всего десяток-другой. Так что поискал бы ты лучше работу в каком-нибудь другом месте.

— Спасибо за совет.

— Знаешь, друг, — высунулся из машины второй таксист, — они ведь точно берут совсем мало поденщиков. И проверяют их чуть не на просвет. А так вообще никого на территорию не пускают, у них там военная работа.

— Секретная? — безразлично поинтересовался Дженнингс.

— Не то слово. Стальной забор. Под напряжением. Охрана. Работают круглые сутки. И никаких посторонних. И все это на вершине холма, рядом со старой Хендерсоновой дорогой. Мили две-две с половиной отсюда. И работают у них только специально отобранные и проверенные, они выдают им такие,— таксист провел пальцем по руке, — вроде как повязки, понимаешь?

Ликование — слабое слово для того чувства, которое охватило Дженнингса, ему хотелось кричать и прыгать от радости.

— Да вроде как понимаю, — сказал он и, покопавшись в кармане, извлек на свет божий ленточку зеленой материи. — Типа этой?

Таксисты пораженно уставились на жалкую вроде бы тряпицу.

— Точно, — медленно проговорил первый. — А где ты ее взял?

— У приятеля, — рассмеялся Дженнингс, пряча ленточку в карман. — Мне ее приятель

дал.

Все также кипя ликованием, он зашагал к аэровокзалу. Дел предстояло много, и очень сложных. Но теперь было хотя бы ясно, что пресловутый Завод находится здесь, и нигде больше. И что, по всей видимости, эти безделушки доведут его до конца пути. По штуке на кризисную ситуацию. Пригоршня чудес, волшебный дар из прошлого от того, кто знал будущее!

Но следующий шаг нельзя сделать в одиночку. Ему нужен помощник, партнер. Но где ж его взять? В таких размышлениях он вошел в зал ожидания. И все же был шанс найти здесь знакомого человека, шанс мизерный, но все же не нулевой. Если «Ретрик Констракшн» действительно базируется в этом городе, вполне возможно, что здесь же живет Келли.

***

Жалкий свет одинокого уличного фонаря не столько рассеивал, сколько подчеркивал непроглядную тьму, залившую улицы Стюартсвилла с заходом солнца. Людей на улице не было, да и машины почти исчезли.

В распахнувшейся двери многоквартирного дома появилась стройная фигура молодой женщины в плаще и шляпке, с маленькой сумочкой в руке. Келли Маквейн решила провести вечер где-то в городе, возможно — на дружеской вечеринке. В ночной тишине разносился дробный перестук высоких каблуков по асфальту.

Как только девушка оказалась под фонарем, в бледном пятне света, наперерез ей из темноты вышел Дженнингс.

— Келли.

— О! — вскрикнула она и обернулась. На молоденьком, симпатичном лице мешались испуг и удивление.

— Не бойтесь. — Дженнингс взял ее за руку. — Это всего лишь я. Куда это вы собрались, вся разодетая?

— Да так, еще даже не решила. — Было видно, что она понемногу успокаивается.— Господи, как же вы меня испугали. А почему вы здесь? Что происходит?

— Ничего. Вы могли бы уделить мне несколько минут? Я хочу с вами поговорить.

— Хорошо, — кивнула Келли. — И куда мы пойдем?

— А где мы можем спокойно поговорить? Мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь нас подслушал.

— Так может, просто пройдемся по улице?

— Нет. Полиция.

— Полиция?

— Меня ищут.

— Вас? Почему?

— Длинная история, — хмуро бросил Дженнингс, — но торчать здесь, на виду, нам точно не стоит. Куда мы можем пойти?

— Ну... — замялась Келли, — можно, скажем, ко мне. Я живу одна.

Они вошли в подъезд, поднялись на лифте, Келли приложила кодовый ключ к дверной панели, и дверь распахнулась. Как только Келли переступила порог, в квартире вспыхнул свет и включилось отопление. Она закрыла дверь и повесила плащ на вешалку.

— Я вам не буду долго надоедать, — сказал Дженнингс.

— Ничего, располагайтесь. Я налью чего-нибудь выпить.

Келли поставила на стол пепельницу и вышла. Дженнингс присел на диван и начал с интересом разглядывать маленькую уютную комнату. Вскоре девушка вернулась с двумя высокими бокалами и села на тот же диван. Дженнингс взял свой бокал.

Виски с водой, холодный.

— Спасибо.

— Не за что, — улыбнулась Келли

Некоторое время они сидели молча.

— Ну и? — сказала она наконец. — Что это за история'? Почему полиция начала вас искать?

— Собственно говоря, их интересует не моя персона, а «Ретрик Констракшн». Они знают, что я работал на компанию целых два года, и требуют от меня информацию.

— Но вы же ничего не знаете!

— Да, но как это докажешь?

Келли протянула руку и потрогала голову Дженнингса чуть выше левого уха.

— Пощупайте здесь. Вот это место.

Дженнингс недоуменно тронул свою голову. Над ухом, прямо под линией волос прощупывалось крошечное затвердение.

— Что это такое?

— Вам прожгли отверстие в черепе. Удалили крошечный сегмент вашего мозга, содержавший память за эти два года. Локализовали ее и выжгли. Так что никакая ПБ не сможет воспользоваться вашими воспоминаниями — у вас их попросту нет.

— К тому времени, когда они это поймут от меня ничего не останется.

Келли промолчала.

— Так что вы сами видите, в какое положение меня загнали. Уж лучше бы я все помнил — рассказал бы им и...

— Уничтожили бы «Ретрик Констракшн»!

— А почему бы и нет? — пожал плечами Дженнингс. — Ретрик мне не сват и не брат, я даже не знаю, чем его фирма занимается. И почему эти занятия вызывают у полиции такой обостренный интерес? Да и вообще вся эта секретность, очистка моего мозга...

— К тому была причина. Весьма серьезная причина.

— И вы знаете — какая?

— Нет, — качнула головой Келли. — Но я уверена, что причина была. Иначе бы ПБ не интересовалась. — Она отставила свой бокал и повернулась к Дженнингсу. — Я ненавижу полицию. Мы все ее ненавидим, все без исключения. Эти пэбэшники все время вокруг нас крутятся. Я не знаю о компании ровно ничего, и слава богу, иначе моя жизнь тоже была бы в опасности. А что, собственно, стоит между ними и «Ретрик Констракшн»? Горстка законов, и только.

— У меня появляется ощущение, что Ретрик — нечто значительно большее, чем заурядная конструкторская компания, которую ПБ хочет поставить под свой контроль.

— Мне тоже так кажется, но точно я ничего не знаю. Я же простая секретарша. Я никогда не бывала на Заводе и даже не знаю, где он находится.

— Вы ничего не знаете про компании — и все же не хотите, чтобы с ней что-нибудь случилось?

— Конечно нет! Они борются против полиции, а каждый, кто борется против полиции, — наш.

— Да? Помнится, я уже встречался с такой логикой... Каждый, кто сражается с коммунизмом, автоматически становится чуть ли не ангелом с крылышками, так считали

несколько десятков лет назад. А что касается меня, я просто отдельная личность, случайно оказавшаяся между двумя безликими, безжалостными силами — государством и бизнесом. Государством и богачами. У «Ретрик Констракшн» есть своя технократия. Чем она занимается — я не знаю. Пару недель назад — знал, а теперь не знаю. Все, что у меня теперь есть, это отдельные догадки, косвенные указания. Позволяющие, однако, построить теорию.

— Теорию? — вскинула глаза Келли.

— И еще этот хлам, полученный мной при расчете. Семь предметов, из которых теперь осталось четыре. Три штуки я уже использовал. На них, собственно, и основана моя теория. И если «Ретрик Констракшн» и вправду действует согласно этой теории, интерес ПБ очень понятен. Более того, я и сам начинаю разделять этот интерес.

— И чем же, по вашему мнению, занимается наша компания?

— Она разрабатывает — *уже* разработала — межвременной захват.

— Что?

— Межвременной захват. Теоретическая возможность такого устройства доказана довольно давно, однако есть закон, запрещающий все работы по межвременным зеркалам и захватам. Это уголовное преступление, и если тебя на нем ловят, ты надолго гремишь в тюрьму, а все твое оборудование и все твои результаты переходят, — криво усмехнулся Дженнингс, — в собственность родного правительства. Так что интерес правительства совсем не удивителен. Если они поймают «Ретрик Констракшн» и наложат лапу...

— Межвременной захват... Как-то даже не верится.

— Думаете, я не прав?

— Не знаю. И эти ваши безделушки. Вы не первый, кто выбрал вместо денег маленький мешочек всякой ерунды. Вы говорите, что что-то уже использовали. Как?

— Во-первых, проволока и автобусный жетон. Помогли мне уйти от полиции. Странно сказать, но если бы не они, меня бы сейчас здесь не было. Обрезок проволоки и десятицентовый жетон. Хлам хламом, но обычно я таких предметов при себе не ношу, в том-то и соль.

— Путешествие во времени.

— Нет, не путешествие во времени, тем более что Берковский надежно доказал его невозможность. Это межвременной захват — зеркало, чтобы видеть, и захват чтобы извлекать объекты из другого времени. Так вот, как минимум одна моя штуковина прибыла из будущего. Увидена, подхвачена, перенесена в какое-то там недавнее время...

— Откуда вы знаете?

— На ней есть дата. Все остальные это, пожалуй, не касается. Такие штуки, как проволока и жетон, вполне стандартны. Вместо этого жетона я мог бы использовать и любой другой. В таких случаях он обходился одним зеркалом.

— Он?

— *Я* который работал у Ретрика. Я обходился одним зеркалом. Я заглядывал в свое будущее. Если я чинил и налаживал их оборудование, что мешало мне немножко им попользоваться? Я заглянул в будущее и увидел, как меня задерживают пэбэшники. А дальше увидел, как мне помогут кусок тонкой проволоки и автобусный жетон — если в тот момент они будут у меня в кармане.

— Ну хорошо, — сказала Келли, чуть помедлив. — Но я-то зачем вам понадобилась?

— Вот этого я пока точно не знаю. Вы действительно считаете, что «Ретрик Констракшн» борется против ПБ из соображений сугубо возвышенных и благородных? Такой тебе корпоративный Роланд при Ронсевале[2].

— А какая вам разница, как я отношусь к фирме?

— Разница очень большая. — Дженнингс допил виски и отставил бокал. — Очень большая,

потому что я хочу попросить вас о помощи в несколько неожиданном деле. Я намереваюсь шантажировать «Ретрик Констракшн».

Глаза Келли расширились от удивления.

— Чтобы остаться в живых, я должен прижать Ретрика, так прижать, чтобы он и пикнуть не мог. Это мой единственный шанс. Нужно, чтобы он взял меня в фирму на моих собственных условиях. Больше мне некуда податься. Рано или поздно полиция найдет меня и арестует — если только я не успею вовремя укрыться под крылышком фирмы.

— Чтобы я помогла вам шантажировать «Ретрик Констракшн»? Помогла уничтожить нашу фирму?

— Уничтожить? Да ни в коем случае. Зачем мне уничтожать «Ретрик Констракшн», если от нее зависит моя жизнь? Более того, мне нужно, чтобы она была как можно сильнее, имела возможность успешно бороться с ПБ. Я просто хочу как можно скорее стать ее сотрудником и сделать это на *моих* условиях, без временных контрактов и дырок в черепе.

— Иначе вас арестует полиция?

— Вот именно, — кивнул Дженнингс.

— И как же вы будете шантажировать компанию?

— Я хочу пробраться на Завод и добыть там неопровержимые доказательства того, что «Ретрик Констракшн» располагает работоспособным межвременным захватом.

— На Завод? — рассмеялась Келли. — Да вы его сперва найдите. Сколько уже лет ПБ ищет этот Завод и все без толку.

— А вот я его нашел. — Дженнингс откинулся на спинку дивана и закурил. — Нашел при помощи одного из тех предметов. И я почти не сомневаюсь, что четырех оставшихся вполне хватит, чтобы привести меня на территорию Завода и обеспечить мне весь необходимый материал. Я вынесу достаточно документов и фотоснимков, чтобы отправить Ретрика на виселицу — только я отнюдь не хочу отправлять его на виселицу, я хочу заключить с ним сделку. Вот тут-то и появляетесь на сцене вы.

— *Я?*

— Дело в том, что я вполне уверен, что вы не побежите стучать в полицию. А мне нужен человек, которому можно было бы передать весь этот будущий материал. Я не могу держать его при себе, это было бы слишком рискованно. Раздобыв материал, я должен буду попросить какого-нибудь надежного человека, чтобы тот спрятал его в неизвестном для меня месте.

— Почему?

— А потому, — бесстрастно объяснил Дженнингс, — что меня могут загрести. Я не питаю, как вы, к компании Ретрика трепетной любви, однако совсем не хотел бы пустить ее на дно. Поэтому вы должны мне помочь. Я передам добытые материалы вам и пойду шантажировать Ретрика с пустыми руками. Иначе мне придется держать их при себе, в каковом случае...

Он вопросительно взглянул на глубоко задумавшуюся Келли.

— Ну так что? Что вы мне скажите? Если вы не согласитесь мне помочь, я буду вынужден допустить риск, что ПБ схватит меня с материалами, более чем достаточными, чтобы уничтожить «Ретрик Констракшн». Какой вариант предпочтительнее? Вы ведь не хотите погубить свою фирму? Думайте, решение за вами.

***

Присев на корточки, они внимательно изучали бурую глыбу громоздящегося вдали холма.

Голые, без единой травинки склоны, на полпути к вершине — высокий стальной забор с наброшенной по верхнему краю спиралью из колючей проволоки — вот к ней-то, к этой проволоке и подведено, по всей видимости, напряжение. По ту сторону забора неспешно прогуливается охранник, крошечная фигурка в каске и с массивным тепловым ружьем.

А на самую вершину холма посажено огромное бетонное здание со сплошными, без единого окна стенами. На крыше здания тускло поблескивают турели крупнокалиберного оружия.

— Так это, значит, и есть тот самый Завод, — негромко сказала Келли.

— Он самый. Чтобы прорваться на него силой, потребовалась бы целая армия.

Дженнингс встал, помог подняться Келли, и они пошли по тропинке к поляне, на которой Келли оставила свою машину.

— Так вы серьезно надеетесь, что эта зеленая тряпица поможет вам пройти на Завод? — спросила Келли, опускаясь на водительское сиденье.

— В городе говорят, что как раз сегодня на Завод повезут рабочих, и будет это где-то утром. На въезде грузовик остановится, всех рабочих проверят и, если все окажется в порядке, пропустят на заводскую территорию. По окончании рабочего дня — а они выполняют там самую простую, грубую работу, — их выведут за забор, запихнут в грузовик и отвезут обратно в город.

— Ну и что, и вы тоже будете таскать там ящики, или чем уж они будут заниматься?

— Я окажусь по ту сторону забора, а дальше уж как получится, буду действовать по обстоятельствам.

— А как вы доберетесь до этого самого «Захвата»? Он же должен стоять в каком-нибудь особом помещении.

— Мне откроет путь вот эта штука.— Дженнингс показал ей кодовый ключ. — Во всяком случае я на это надеюсь.

— Он что, тоже был среди вашей дребедени? — Келли взяла ключ и покрутила его в пальцах. — Нам следовало получше проверить содержимое вашего мешочка.

— Нам?

— Нашей компании. Через мои руки прошел не один такой мешочек и не два. Ретрик не обращал на них особого внимания.

— Скорее всего, ему и в голову не приходило, что кто-то захочет тайком вернуться на Завод. — Дженнингс забрал у нее ключ и опустил его в карман. — Так вы помните свои обязанности?

— Я жду вас здесь, в машине. Вы возвращаетесь и передаете мне свою добычу. Я везу ее в Нью-Йорк и жду вашего появления.

— Все верно. Я, пожалуй, пойду. — Дженнингс бросил взгляд налево, где за деревьями виднелась дорога — та самая, по которой возили рабочих на Завод. — Очень не хотелось бы прозевать грузовик.

— А что, если они решат пересчитать рабочих?

— Что, что. Плохо будет, вот что, но приходится рисковать. Впрочем, я не слишком опасаюсь таких неприятных случайностей, он же загодя посмотрел, что и как будет, и убедился, что все кончится хорошо.

— Веселая вы парочка, вы и ваш предусмотрительный приятель, — улыбнулась Келли. — Я очень надеюсь, что он снабдил вас всем необходимым, чтобы не только пробраться на Завод, но и вернуться назад, желательно с материалами.

— Правда?

— А что в этом удивительного? — пожала плечами Келли. — Вы сразу мне понравились. И

вам это прекрасно известно — иначе вы не рискнули бы прийти ко мне с таким предложением.

— Поговорим об этом позднее — если все пройдет нормально. — Одетый в синий комбинезон и тяжелые рабочие ботинки Дженнингс вышел из машины. — Впрочем, я почти не сомневаюсь в благополучном исходе, ведь меня берегут мои амулеты, — он похлопал себя по карману, — и нежная забота бесследно исчезнувшего приятеля.

Он повернулся и пошел к дороге, торопливо пробираясь среди редких, чахлых деревьев.

Деревья подступали к самой обочине дороги. Дженнингс остался под их укрытием из опасения попасться на глаза охранникам. Растительность на склонах холма была выжжена подчистую, так что каждый, пытающийся подобраться к стальной ограде, был бы мгновенно обнаружен. Однако можно было не сомневаться, что охрана не оставляет своим вниманием и более дальние подступы к Заводу, о чем свидетельствовали многочисленные вышки с инфракрасными прожекторами.

Дженнингс присел в кустах на корточки и начал следить за дорогой. Чуть впереди от избранного им места виднелся блокпост — полосатый шлагбаум и будка охраны, а сотней метров дальше дорога упиралась в стальные ворота ограды. Он взглянул на часы. Половина одиннадцатого. Грузовик мог появиться с минуты на минуту, хотя как знать...

В одиннадцать с небольшим из-за поворота донеслось одышечное завывание перегруженного на подъеме двигателя, вслед за чем на дороге показался тяжелый, набитый людьми грузовик.

Дженнингс вскочил на ноги и обвязал свою левую руку, чуть повыше локтя, полоской зеленой материи. Грузовик подъехал ближе, теперь можно было рассмотреть его пассажиров получше. В кузове стояли, дергаясь и раскачиваясь, люди в джинсах и грубых, темных рубашках. Ну и, конечно же, на левой руке каждого из них зеленела точно такая же, как у него, повязка. Пока что все шло по плану.

Грузовик начал тормозить и остановился в считанных метрах от шлагбаума. Один за другим работяги соскакивали на дорогу — к выгоревшему от жары небу поднимались густые клубы пыли. Потом они принялись отряхивать пыль со своих джинсов и рубах, кое-кто достал сигареты. Из будки лениво, нога за ногу, вышли два охранника. Дженнингс напрягся; еще немного — и нужно будет действовать. Охранники двигались сквозь группу рабочих, проверяя их повязки, всматриваясь в лица; у двоих, наверное новеньких, проверили идентификационные бирки. Охранники вернулись в будку. Шлагбаум поднялся.

Низко пригибаясь, Дженнингс бросился из своей засады к дороге. Рабочие тщательно затаптывали окурки и помогали друг другу забраться в кузов. Водитель отпустил тормоза и начал разгонять мотор, потом колеса завертелись, отшвыривая назад комья земли и прошлогодние листья. Дженнингс бросился вперед и ухватился за задний борт отъезжающего грузовика.

Стоявшие сзади чуть раздвинулись, освобождая для него место. Грубые, мозолистые руки, обветренные, изборожденные глубокими морщинами лица. Люди тяжелого, однообразного труда на земле. Два высоких, кряжистых фермера, между которыми втиснулся запоздалый пассажир, не проявили к нему ровно никакого интереса. Суточная щетина на нарочно измазанном землей лице делала Дженнингса почти неотличимым от окружающих. Но если какому-нибудь чрезмерно бдительному стражу вздумается пересчитать... Ворота разошлись, пропуская их на территорию Завода, и тут же с лязгом сошлись. Дребезжа и раскачиваясь, грузовик карабкался по крутому склону к громоздившемуся впереди бетонному параллелепипеду, затем он выбрался на ровную площадку, проехал еще метров двадцать и остановился. Высокие, тонкие створки дверей раздвинулись, и Дженнингс увидел какое-то просторное, ярко освещенное помещение. Вот только пустят ли их внутрь?

Рабочие начали спрыгивать на землю. Из дверей Завода вышли двое в синих рабочих комбинезонах.

— Что будет делать эта бригада? — спросил один из них.

— Копать. Внутри. — Второй ткнул пальцем куда-то вниз. — Они там опять копают. Заводи их внутрь.

Внутрь! Дженнингс чуть не запрыгал от радости. Сверхплоскую камеру, висевшую у него на шее на манер детского нагрудника, вряд ли кто заметит — он и сам-то едва мог прощупать ее сквозь грубую, толстую рубашку. Похоже, все будет значительно проще, чем ему думалось.

Помещение, куда их завели, оказалось огромным цехом — везде станки и сборочные стенды с какой-то малопонятной техникой, с высокого потолка свисают тросы и крюки подъемных кранов, в воздухе стоит не прерывный гул голосов и механизмов. Пропустив последнего из поденщиков, створки дверей наглухо сошлись. Дженнингс начал осторожно осматриваться. Ну хорошо, он попал на Завод, но где здесь межвременной захват, где зеркало?

— Сюда, — сказал бригадир, и поденщики послушно побрели направо, к грузовому лифту. — Сегодня работаем внизу. Кто умеет обращаться с перфоратором?

Поднялось несколько рук.

— Научите остальных. Мы будем снимать землю перфораторами и пожирателями. Кто-нибудь работал раньше с пожирателем?

Ни одной руки.

— Покажу, дело не хитрое.

Между тем Дженнингс продолжал рассматривать оборудование цеха. Не здесь ли работал он эти два года? Такая возможность не сулила ничего хорошего: его вот-вот узнают и тогда... О дальнейшем не хотелось и думать.

— Шевелитесь, что вы все как неживые! — нетерпеливо прикрикнул бригадир.

Все поденщики, в том числе и Дженнингс, затолкались в большую обшарпанную кабину лифта, и она начала падать в какие-то неведомые глубины. Спуск продолжался довольно долго; судя по количеству уровней, пролетевших за крошечным окошком. Завод был огромен, куда огромнее, чем можно бы подумать по внешнему виду.

Лифт остановился, его двери разъехались, и Дженнингс вместе с бригадой поденщиков вышел в длинный, широкий коридор. Пол здесь был кафельный, густо усыпанный каменной пылью,- а воздух буквально сочился влагой. Дальний конец коридора упирался в стальную дверь, рядом с которой…

Ретрик разговаривал с группой техников.

— Пошли, — скомандовал бригадир.

Теперь Дженнингс по возможности держался за спинами остальных. Стоит Ретрику его заметить, и все будет кончено, и не спасут ни «амулеты», лежащие в левом кармане комбинезона, ни миниатюрный пистолет «Борис», лежащий в правом.

— Сюда.

Бригадир подвел их к своего рода узкоколейке, тянувшейся по краю коридора; рабочие начали рассаживаться по вагонеткам. Дженнинг не отрывал глаз от своего бывшего шефа. Судя по всему, Ретрик был не слишком доволен собеседниками: он что-то раздраженно выкрикнул, повернулся, протянул руку к широкой стальной двери, и та открылась.

У Дженнингса замерло сердце.

В просторном ярко освещенном помещении стоял межвременной захват. Ошибки быть не могло. Зеркало, длинные металлические штанги с клешнеобразными захватами на концах — все в соответствии с теоретической моделью Берковского. Только это устройство было вполне реальным.

Ретрик вошел в лабораторию, а за ним и его свита. Защитный экран межвременного захвата был частично снят, в его внутренностях копалась целая бригада техников. Засмотревшись на эту сцену, Дженнингс остался последним, кто не сел в вагонетку

— Эй, ты, — окликнул его подошедший бригадир. Стальная дверь закрылась, скрыв из виду и захват, и Ретрика, и его команду.

— Извините, — очнулся Дженнингс.

— Ты что, забыл, что любопытных здесь не любят? Подожди, подожди, — бригадир всмотрелся в его лицо, — что-то я тебя не помню. Дай-ка взглянуть на твою бирку.

— Бирку?

— Твою идентификационную бирку. Эй, Билл, принеси-ка мне табель! — крикнул он в сторону и снова окинул Дженнингса взглядом. — Сейчас, красавчик, мы проверим тебя по табелю. А пока стой, где стоишь.

К ним уже спешил человек с табельной доской в руках.

Ну, сейчас или никогда.

Под отчаянные вопли бригадира и табельщика Дженнингс бросился в ближний, тупиковый конец коридора. Добежав до двери, за которой скрылся Ретрик, он левой рукой приложил к ней кодовый ключ, а правой выхватил из кармана пистолет. Там, за этой дверью, был межвременной захват. Несколько снимков, несколько прихваченных со стола чертежей и схем, и тогда, если удастся отсюда уйти...

Дверь не открывалась. Это был не тот ключ.

Почему? Зеленая повязка окончательно подтвердила, что его догадка верна, а значит, значит... Значит, это ключ от какой-то другой двери. Но от какой, от какой? — затравленно оглядывался Дженнингс.

Слева была голая стена, справа — полуоткрытая дверь с обычным механическим замком. Дженнингс забежал в нее и оказался в какой-то кладовой. Голоса преследователей приближались. Он защелкнул замок и поставил его на предохранитель. Снаружи доносились крики: «Охрана! Позовите охрану!» Скоро набегут вооруженные охранники, дверь выломают... Так это что же, тупик? Неужели отсюда нет другого выхода?

Дженнингс заметался по кладовой, обрушивая штабеля каких-то коробок и ящиков. В самом дальнем, темном углу обнаружился узкий незапертый люк. Он едва сдержал желание выбросить треклятый ключ. Ну что от него толку, что им открывать? Но с другой стороны, ведь «он» же знал, как все это будет, посмотрел заранее во всех подробностях. Подобно всеведущему Богу, «он» не мог ошибиться. Или все-таки мог?

А что, подумал он с ужасом, если будущее может изменяться? Что, если когда-то этот ключ был правильным, а теперь уже нет?

От двери донеслось характерное шипение — ее резали автогеном. Не задумываясь больше ни о чем, Дженнингс протиснулся через люк в низкий, едва освещенный проход с мокрыми бетонными стенами, сильно смахивавший на канализационную трубу. Пробежав по проходу метров двадцать-тридцать, он остановился в том месте, где от него ответвлялось несколько других. Ну и куда же теперь? После секундного раздумья он решил свернуть из главного коллектора в самое широкое из ответвлений. Вход в эту трубу зиял прямо над его головой. Дженнингс уцепился за край отверстия, подпрыгнул и подтянулся, моля бога, чтобы преследователи не догадались сделать тоже самое. Осторожно, стараясь не шуметь, он полз по тубе навстречу потоку теплого, душноватого воздуха.Большой диаметр этого вентиляционного канала ясно показывал, что он ведет в какое--то очень просторное помещение. В конце концов путь ему преградила решетка, сквозь которую в трубу лился свет.

Дженнингс приник к решетке лицом и задохнулся от радостного изумления.

Там была лаборатория, мельком увиденная им какие-то минуты назад, только теперь он смотрел на нее с другого, дальнего от двери конца. Межвременной захват находился в каких-то метрах от вентиляционной решетки, и никого рядом с ним не было. Оглушительно выла сирена, у двери бестолково метались техники и охранники. А где же Ретрик? Вот он, в правом дальнем углу. Сидит за столом, кричит что-то в трубку видеофона.

Захват. По счастью, решетка крепилась не винтами, а в пазах, и снять ее было совсем просто. Затем Дженнингс соскользнул на пол, выхватил из кармана пистолет и быстро осмотрелся. Нет, никто не бежит ловить злоумышленника, никто ничего не заметил, чему немало способствовал захват, почти полностью закрывавший этот угол от остальной лаборатории. У дверей все так же кипела суматоха.

А вокруг — все, с избытком, необходимые материалы: зеркала, таблицы данных, схемы, чертежи, синьки. Дженнингс распахнул комбинезон, включил камеру и почувствовал, как она дрожит, снимая кадр за кадром. Затем схватил со стола несколько схем. Подумать только, ведь вполне возможно, что именно с ними работал он пару недель назад!

Но предаваться раздумьям было некогда, и Дженнингс начал торопливо рассовывать бумаги по карманам. Пленка в камере кончилась, так что пора было и уходить. Он залез в вентиляционное отверстие и протиснулся до конца воздуховода. В бетонированном коридоре было по-прежнему пусто, но откуда-то издалека доносились звуки торопливых шагов и возбужденные крики: его искали, и искали всерьез, методично обшаривая этот лабиринт коридоров и труб.

Дженнингс побежал, не выбирая направления, а только стараясь держаться главного прохода, не углубляться в бесчисленные боковые ответвления. Коридор явно шел под уклон, но он не особенно задумывался, что это значит. Все это время голоса и шаги преследователей доносились откуда-то сзади, но когда Дженнингс остановился, чтобы перевести дыхание, его ухо различило какие-то новые голоса, определенно звучавшие впереди. Он снова извлек из кармана пистолет и медленно, чуть ли не на цыпочках двинулся по коридору. Дойдя до крутого поворота направо, он взял пистолет на изготовку и осторожно заглянул за угол.

В нескольких метрах от него стояли, лениво перебрасываясь словами, два охранника, за их спинами виднелась массивная дверь с кодовым замком. А сзади все громче и громче доносились крики и топот — преследователи нашли-таки верный коридор и будут здесь с минуты на минуту.

Дженнингс шагнул из-за поворота и вскинул пистолет.

— Руки вверх! Бросить оружие!

Охранники — белобрысые, короткостриженые мальчишки в новенькой, с иголочки униформе компании — разинули рты и испуганно попятились.

— Оружие. Спокойно, без резких движений уроните на пол.

Два тепловых ружья дружно громыхнули о бетон. Сосунки, улыбнулся Дженнингс, жизни не видели. Их сапоги сияли умопомрачительным блеском.

— Откройте дверь, — сказал Дженнингс.— Мне нужно пройти.

Охранники молчали и не двигались. Звуки погони нарастали.

— Шевелитесь! — Он начинал выходить из себя. — Откройте эту чертову дверь, иначе мне придется...

— Мы... Мы не можем.

— Чего?

— Мы не можем. Там кодовый замок. А ключа у нас нет, ну честно, мистер. Нам его не дают.

По смертельно бледным, перепуганным лицам мальчишек было видно, что они не врут.

Впрочем, сложившаяся ситуация пугала и Дженнингса. Сзади доносился вполне уже отчетливый топот многочисленных ног. Бегал, бегал, а под конец все равно оказался в ловушке.

Так уж и в ловушке?

Дженнингс рассмеялся, повергнув охранников в окончательный ужас, а затем бросился к двери.

— Вера, — сказал он, вынимая из кармана ключ. — Вера — это то, чего нельзя терять. Никогда.

— Ч-ч-что?

— Вера в себя. Уверенность в своих силах.

Легкое прикосновение ключа, дверь распахнулась, и в бетонную караулку хлынул поток солнечного света. Он был далеко за пределами Завода, у самых ворот. Три охранника пораженно пялились на пистолет в его руке. У ворот и совсем недалеко от леса!

— С дороги!

Несколько длинных импульсов — и стальные брусья вспыхнули, оплавились, лопнули.

— Держите! Не дайте ему уйти! — кричали сзади выбегавшие из темного коридора охранники, но было уже поздно.

Дженнингс бросился к бреши в воротах, пролетел сквозь пламя и дым, упал, покатился по склону и со всех ног побежал к спасительным деревьям.

Он выбрался. Он не подвел себя. Ключ был тот, очень даже тот, это дверь сперва была не та.

Он бежал все дальше и дальше, протискиваясь между деревьями и хватая воздух ртом. Завод давно исчез из виду, крики преследователей стихли. Он добыл бумаги. Он вырвался на свободу.

Дженнингс нашел Келли, отдал ей камеру с пленкой и все, что успел рассовать по карманам. Затем он переоделся в нормальную свою одежду. Келли высадила его на окраине Стюартсвилла, а сама полетела в Нью-Йорк. Дженнингс проводил ее машину взглядом и пошел покупать билет на рейсовую ракету.

Весь полет он проспал; собственно говоря, спали практически все пассажиры рейса. Когда он продрал глаза, ракета уже садилась на огромное поле нью-йоркского космопорта.

Дженнингс сошел по трапу на бетонку и смешался с людским потоком. Теперь, по возвращении в Нью-Йорк, опасность попасть в лапы ПБ возросла стократно. Садясь в такси, он вздрогнул, заметив неподалеку двух полицейских в травянисто-голубой форме, но они проводили его абсолютно безразличными взглядами. Когда машина покинула наконец территорию космопорта, Дженнингс вытер со лба обильно выступивший пот. Кажется, пронесло. Теперь предстояло найти Келли.

Он пообедал в маленьком, неприметном ресторанчике, причем сел в глубине зала, лицом от окна. Когда он снова вышел на улицу, солнце уже садилось. Медленно шагая по тротуару, он сотый раз перебирал в мозгу события этих дней.

Пока что все вроде удачно. Бумаги добыты, снимки сделаны, и он сумел уйти. «Амулеты» работали безукоризненно; помогали ему в каждой критической ситуации. Без них он был бы беспомощен. Теперь их осталось совсем немного, половинка покерной фишки и квитанция. Дженнингс достал квитанцию и изучил ее в быстро тускнеющем вечернем свете.

И обратил внимание на вполне, впрочем, естественное обстоятельство: на квитанции стояла сегодняшняя дата. Он «догнал» эту бумажку.

Ну и что бы это значило? И вообще, для чего она? Он пожал плечами и спрятал квитанцию. Со временем все выяснится. Ну а этот огрызок покерной фишки? Ну какого черта прикажете с ним делать? Ладно, ведь он же был уверен, что у него все получится, от начала до конца. И пока что ни разу его не подвел. И до конца этого уже рукой подать, судя по количеству

необстрелянных амулетов.

Подходя к дому Келли, он взглянул на ее окна. Свет горит, крошечная машинка далеко обогнала ракету компании «Интерсити». Он вошел в подъезд, вызвал лифт и поднялся на нужный этаж.

— С тобой все в порядке? — спросила она вместо приветствия.

— Конечно. Ты меня пустишь?

Он вошел, не дожидаясь ответа.

— Хорошо, что ты пришел, — сказала Келли, закрывая дверь. — У меня просто камень с сердца упал. Город кишит пэбэшниками, они околачиваются чуть не на каждом углу, а еще патрули...

— Знаю. Я уже в космопорте напоролся на парочку этих героев. — Дженнингс сел на диван и закинул ногу на ногу. — И все равно приятно вернуться из этой дыры в нормальный город.

— Я все боялась, что они начнут проверять всех пассажиров рейсовых ракет.

— Да им же и в голову прийти не могло, что я сам, по доброй воле вернусь туда, откуда бежал.

— Об этом я как-то не подумала. — Келли села напротив него. — Ну и что же теперь? Материалы у тебя есть, но я не очень понимаю, как конкретно хочешь ты их использовать?

— Первым делом я встречусь с Ретриком и порадую его приятной новостью. Новостью, что взломщик, проникший на Завод, это не кто иной, как я, собственной персоной. Он-то небось уверен, что это был какой-нибудь ушлый пэбэшник.

— А почему бы ему не выяснить это точ-но при помощи зеркала?

— Да в общем-то да, — помрачнел Дженнингс. — Думаешь, меня эта странность не мучает? Ладно, так или сяк, но материалы у меня есть. Или, для полной точности, они есть у *тебя* .

Келли молча кивнула.

А раз так, будем делать все по-задуманному. Завтра мы встретимся с Ретриком, встретимся здесь, в Нью-Йорке. Ты можешь вызвать его в вашу контору? И он — он прискачет, если ты его вызовешь?

— Да. У нас есть уговоренный пароль. Если я попрошу его прийти, он придет.

— Чудненько. А там его встречу я. Осознав, что у нас Есть эти чертежи и снимки, он поневоле согласится на все мои требования. Он возьмет меня в «Ретрик Констракшн» на моих собственных условиях — ведь это все же лучше, чем если я вдруг упрусь рогом и действительно отнесу свою добычу пэбэшникам.

— Ну а что потом, когда Ретрик согласится на твои требования?

— Побывав на Заводе, я собственными глазами убедился, что компания «Ретрик Констракшн» куда крупнее, чем думалось мне раньше. Ее точные масштабы трудно даже предположить. Мало удивительного, что эти красавцы проявляют к ней такой нездоровый интерес.

— Так ты что, претендуешь на равную долю в контроле над компанией?

Дженнингс молча кивнул.

— И ты ни в коем случае не согласишься вернуться в своей прежней роли электроника?

— Чтобы потом меня снова выкинули на улицу? — саркастически ухмыльнулся Дженнингс. — Нет уж, премного благодарны. Тем более что он явно строил куда более серьезные планы. Одна уж тщательность подготовки чего стоит Можно только поражаться, насколько точно были подобраны амулеты, за этим видна долгая, кропотливая работа. Я видел на Заводе уйму любопытного, уровень за уровнем производственных помещений, набитых техникой и людьми. И они же там не просто так сидят, а что-то делают. Вот и мне бы тоже

хотелось во всем этом поучаствовать, тебе это понятно?

— Да, — кивнула Келли. — Вполне.

Дженнингсу очень не хотелось уходить из ее квартиры в беспроглядную, темную ночь, но — пришлось. Он и так засиделся там непростительно долго. Если ПБ застанет их вместе, ему конец, а Ретрикова компания окажется в крайне опасной ситуации; идти на такой риск не стоило, тем более сейчас, когда до благополучного исхода осталось всего ничего.

Он взглянул на часы. Уже за полночь. Утром он встретится с Ретриком и предъявит ему свои требования. От этой мысли на душе у него как-то потеплело. Еще немного, и он будет в безопасности. И не только в безопасности. «Ретрик Констракшн» стремилась к гораздо большему, чем заурядное промышленное могущество. Все увиденное убедило Дженнингса в том, что готовится революция. В этом многоуровневом лабиринте, укрытом под бетонной крепостью, охраняемом целой армией до зубов вооруженных людей, строились планы будущего переворота, готовилась боевая техника. Межвременной захват и зеркало работали с утра до вечера, что-то подглядывали, что-то добывали.

Мало удивительного, что он так тщательно спланировал свои будущие действия. Присмотревшись к происходящему, он все понял и задумался. Как справиться с очисткой памяти? Он вернется в мир с напрочь стертой памятью, а это — крушение всех планов.

Крушение? Но в контракте имелась дополнительная статья! Ею уже пользовались другие, но совсем не так, как это сделает он!

Он метил куда выше, чем все его предшественники. Семи амулетам предстояло стать его мостиком...

В конце квартала свернула к обочине и остановилась патрульная машина. ПБ. Ее дверцы распахнулись.

Дженнингс замер на полушаге, его сердце болезненно сжалось. Ночной патруль, прочесывающий город, время за полночь, а с одиннадцати вступает в действие комендантский час. Он окинул взглядом окрестные здания. Темно, везде темно. Все двери заперты па ночь. Умолкшие магазины, умолкшие рестораны, умолкшие жилые дома. Даже в барах, и в тех темно и тихо.

В отчаянии он обернулся назад — и увидел, как тормозит вторая патрульная машина. Ее дверцы распахнулись, и на тротуар вышли двое полицейских. Они его увидели. И пошли в его сторону. Дженнингс стоял, как примерзший к асфальту. Что впереди, что сзади положение казалось одинаково безнадежным. На другой стороне улицы сверкала неоном вывеска какой-то роскошной гостиницы. Он пошел на этот свет, пугаясь стука собственных каблуков по пустынной ночной мостовой.

— Стой! — крикнул один из полицейских. — Вернитесь сюда! Что вы там делаете? Какой у вас...

Дженнингс вошел в гостиницу, пересек вестибюль. Портье взирал на него с немым изумлением, никого больше рядом не было. Ну разве спрячешься в такой обстановке? Ни на что уже не надеясь, он обогнул конторку и побежал по широкому, застланному ковровой дорожкой коридору в призрачной надежде найти какой-нибудь служебный выход. Сзади хлопнула дверь, пэбэшники уже вошли в вестибюль.

Поворот направо и — преграда в виде двух рослых, плечистых типов.

— Куда вы идете?

— Пропустите меня, — сказал Дженнингс и сунул руку в карман, где лежал пистолет.

— Хватай!

Его руки были намертво, как стальными обручами, прижаты к бокам. Профессиональные бандюги. За их спинами — распахнутые двери. Свет, звуки, множество людей.

— Порядок, — сказал один из бандитов.

Они поволокли его по коридору в сторону вестибюля. Дженнингс пытался сопротивляться — безо всякого, естественно, успеха. Вот уж вляпался, так вляпался. Бандиты, притон. Город кишел такими заведениями. А роскошная гостиница — не более чем маскировка. А сейчас эти мордовороты сдадут его своим дружкам из ПБ.

Навстречу идут двое. Мужчина и женщина. Немолодые, хорошо одетые. С любопытством смотрят на подозрительного человека, трепыхающегося в руках охранников.

И вдруг Дженнингс понял. И почувствовал горячую волну облегчения.

— Подождите, — прохрипел он. — В моем кармане...

— Идем, идем.

— Подождите. Левый карман. Взгляните сами.

Бандиты остановились. Дженнингс перестал вырываться, расслабился. Тот, что слева, осторожно, словно опасаясь капкана, залез в его карман. Дженнингс улыбнулся. Он предвидел все, даже это. Неудачи не может быть, ни в коем случае. Кстати, решена и еще одна проблема: где прокантоваться до утра, до свидания с Ретриком. Теперь он сможет здесь же и остаться.

Бандюга вытащил половину покерной фишки, взглянул на ее иззубренный край.

— Секундочку.

Он достал из собственного кармана аналогичную половинку, подвешенную к золотой цепочке. Свел две половинки краями.

— Порядок? — спросил Дженнингс.

— Само собой. — Теперь его отпустил и второй, правый бандит — Все в порядке. Наши извинения, мистер. Да вы бы сразу...

— И проводите меня на зады, — сказал Дженнингс. — Тут одни ребята желают со мной потолковать, а мне как-то не хочется видеть их морды.

— Без проблем.

Они отвели его «на зады», сиречь в игорные залы; обломок пластиковой фишки превратил катастрофу в крайне удачное обстоятельство. Игорный притон с девочками. Такие заведения полиция не трогала, здесь он был в полной безопасности. Оставалась одна-единственная проблема: грядущая схватка с Ретриком.

***

— Нет, — сказал Ретрик и судорожно сглотнул. — Нет, я не знал, что это были вы. Я считал, что это ПБ.

В офисе повисла тишина. Келли сидела за своим столом и нервно затягивалась сигаретой. Дженнингс стоял, привалившись спиной к двери, скрестив руки на груди.

— Но почему, — спросил он, — вы не воспользовались зеркалом?

— Зеркалом? — поморщился Ретрик.— Можно только восхититься, мой друг, как ловко вы все это сделали. Мы пытались использовать зеркало.

— Пытались?

— Под конец своей работы у нас вы в нем что-то незаметно изменили. Когда мы бросились к зеркалу, оказалось, что оно не работает. Мы до сих пор пытаемся разобраться, в чем там дело.

— И это сделал именно я?

— Вне всяких сомнений. Надо думать, вы проработали свой план очень тщательно. Вы понимали, что зеркало позволит нам мгновенно вас выследить. И вы, Дженнингс, прекрасный

электроник. Лучший из всех, что у нас были. Мы были бы рады получить вас снова. Никто из нас не умеет обращаться с зеркалом так, как это делали вы. А сейчас мы и вовсе не можем с ним справиться.

— Вот уж не знал, что он выкинул такой номер, — ухмыльнулся Дженнингс. — Выходит, я его недооценивал. Его предусмотрительность оказалась даже...

— О ком это вы?

— О себе, каким я был эти два года. Я говорю о себе тогдашнем в третьем лице, так проще.

— Ну хорошо, Дженнингс. Одним словом, вы с ним разработали сногсшибательный план, как украсть у нас несколько чертежей. Зачем? С какой целью? Чтобы передать их полиции?

— Нет.

— Тогда остается предположить, что это шантаж.

— Совершенно верно.

— Зачем? Что вам от нас нужно? — Ретрик словно постарел на много лет, его плечи обвисли, глаза утратили живой блеск, правая щека нервно подергивалась. — Вы не пожалели уймы трудов, чтобы поставить нас в такое положение, но я никак не возьму в толк, с какой целью все это делалось? Работая у нас, вы заложили фундамент этой аферы, а теперь успешно ее завершили, несмотря на все наши предосторожности.

— Предосторожности?

— Укрытие Завода. Стирание вашей памяти.

— Объясни ему, — сказала Келли.— Объясни ему, зачем ты это сделал.

— Сейчас. — Дженнингс глубоко вздохнул и секунду помолчал. — Ретрик, я сделал это, чтобы вернуться. Вернуться в компанию. И это — единственная причина. Никаких других нет.

— Вернуться в компанию? — недоуменно сморгнул Ретрик. — Так вы и так можете вернуться, я же вам сразу сказал. — Он говорил негромко, чуть подрагивающим от волнения голосом. — В чем, собственно, дело? Мы возьмем вас в любую минуту, на любой срок.

— Электроником?

— Да, электроником. Нам требуется много...

— Я не хочу возвращаться в компанию электроником. И я не хочу работать на вас. Послушайте, Ретрик, как только я ушел из вашего офиса, меня тут же загребла ПБ. Если бы не он, меня бы уже и в живых-то не было.

— Вас арестовали?

Им крайне любопытно, где базируется «Ретрик Констракшн». И они хотели узнать это от меня.

— Плохо, — кивнул Ретрик. — Мы ни о чем подобном даже не догадывались.

— Нет, Ретрик, я не вернусь на фирму служащим, которого вы можете выставить на улицу в любой удобный для вас момент. Я буду работать не на вас, а на равных с вами.

— На равных со мной? — Лицо Ретрика закаменело в жесткую, неприятную маску. — Я не совсем вас понимаю.

— Впредь мы будем управлять «Ретрик Констракшн» вместе, на паритетных началах. И никто больше не сможет ради собственной безопасности выжигать мою память.

— Так значит, вы *этого* хотите?

— Да.

— А если я не возьму вас в долю?

— Тогда схемы и пленки будут переданы ПБ, не больше и не меньше. Хотя мне этого совершенно не хочется. Я не хочу уничтожать вашу компанию, я хочу в нее войти! Я хочу чувствовать себя в безопасности. Вот вы не знаете, что это такое, когда некуда бежать, негде спрятаться. В наши дни человеку некуда обратиться за помощью, никто его не защитит. Он

оказался между двух бездушных, безжалостных жерновов — между властью политической и властью экономической. А мне больше не хочется. чтобы меня перемалывали, стирали в порошок.

Лицо Ретрика утратило всякое выражение, он смотрел в пол и не двигался.

— Я знаю, что это так, — сказал он через несколько долгих минут — Я знаю это давно, дольше, чем вы, ведь я же куда вас старше. Я видел, как этот кошмар вызревает, крепнет год от года. Именно потому и возникла «Ретрик Констракшн». Когда-нибудь все станет иначе. Когда-нибудь, когда мы доведем до кондиции зеркало и захват. Когда мы вооружимся.

Дженнингс молчал.

— Я прекрасно понимаю обстановку, ведь я же старый человек! Я вложил в компанию годы и годы труда. Когда мне сказали, что кто-то вынес с Завода техническую документацию, я решил, что это конец. Мы уже знали, что вы повредили зеркало. Мы догадывались, что два эти события как-то связаны, но не смогли верно понять их смысл.

Само собой, мы решили, что вас подослала к нам ПБ — чтобы выведать, чем мы занимаемся. Поняв, что вынести информацию в голове не удастся, вы повредили зеркало. Ну а тогда уж ПБ начала действовать, не опасаясь никаких помех...

Он смолк и потер дергающуюся щеку.

— Говорите, говорите, — сказал Дженнингс.

— А получается, вы устроили все это в одиночку. Шантаж. Чтобы попасть в компанию. Да вы же толком и не знаете, ради чего она действует, эта компания! Мы трудимся уже многие годы, а вы хотите все это разрушить ради спасения собственной шкуры.

— А что и как я разрушу? Как раз наоборот, я вам очень помогу.

— Я один управляю компанией. Она стала частью моей жизни. Она моя.

— Ваша? — рассмеялся Дженнингс.— А что будет, когда вы умрете? Или революция клятвенно обещала непременно произойти еще при вас?

Щека Ретрика бешено запрыгала.

— Вы умрете, и некому будет продолжить дело. А ведь я — хороший электроник, вы сами так говорили. Вы глупец, Ретрик. Вы хотите удержать все в своих руках, чтобы вы сами все делали, все решали. До поры до времени это удается, но однажды вы умрете. И что тогда?

Ретрик молчал.

— Так что будет лучше, если я войду с вами в долю — лучше не только для меня, но и для вашей компании. Я могу сделать много полезного. И — будем надеяться — довести дело революции до конца.

— Вам бы молить бога, что вы вообще остались в живых! Не разреши я вам взять с собой все эти вещицы...

— А что еще могли вы сделать? Люди, обслуживающие зеркало, неизбежно заглянут и в свое собственное будущее. Настрого запретив им извлекать из этого какую бы то ни было личную пользу, вы неизбежно нарветесь на бунт. Понятно, почему в контракте появилось это дополнительное условие — у вас просто не было иного выхода.

— Вы даже толком не знаете, чем мы занимаемся, зачем мы существуем.

— Я имею об этом достаточно внятное представление. В конце концов, я же проработал на вас чуть не два года.

Наступила тишина. Ретрик тер дергающуюся щеку, несколько раз облизывал губы, словно собираясь что-то сказать — и молчал дальше; по его лбу катились крупные капли пота.

— Нет, — сказал он наконец и посмотрел на Дженнингса в упор. — Нет, я не пойду ни на какие уступки. Я руководил этой компанией, я ею и буду руководить, единолично. Если я умру, вместе со мной умрет и она. Она моя.

— Она умрет гораздо раньше, — жестко усмехнулся Дженнингс. — Не позже, чем завтра, я передам все свои материалы в полицию.

Ретрик ничего не ответил, но по его лицу скользнуло такое странное выражение, что Дженнингса пробрала холодная дрожь.

— Келли, — спросил он, — бумаги у тебя при себе?

Келли заметно побледнела. Прежде чем ответить, она встала и тщательно затушила свою сигарету.

— Нет.

— Где они? Куда ты их положила?

— Извини, — потупилась Келли, — но я тебе этого не скажу.

— Что? — поразился Дженнингс. — Как это не скажешь?

— Извини, — повторила Келли. В ее голосе звучало тихое отчаяние. — Бумаги находятся в надежном месте. ПБ никогда их не найдет. Но и ты тоже. При первой же возможности я верну их папе.

— Папе?!

— Келли моя дочь, — вмешался Ретрик.— Это, Дженнингс, единственное, чего вы не учли. И он тоже этого не учел. Собственно говоря, кроме нас с ней об этом никто и не знал. Мне хотелось держать все ответственные должности в руках своей семьи, причем непременно хранить это в тайне, иначе Келли попала бы под круглосуточное наблюдение ПБ. Как вы видите, в итоге моя идея оказалась весьма удачной.

— Понятно, — отрешенно кивнул Дженнингс.

— А я просто была вынуждена идти с тобой, — сказала Келли. — Иначе ты сделал бы все один, а потом хранил бы бумаги при себе. Как ты и сам говорил, если бы ПБ задержала тебя с ними, это был бы верный конец для компании. Так что я пошла с тобой, получила от тебя материалы — и тут же спрятала их в месте, известном одной только мне. Прости, — печально улыбнулась она, — но я не могла иначе.

— Но я вас отнюдь не гоню, — сказал Ретрик. — Мы будем рады взять вас на работу безо всяких ограничений по срокам. Я предоставлю вам все, что угодно. Все, кроме...

— Кроме права руководить компанией.

— Естественно. Послушайте, Дженнингс, эта компания гораздо старше меня. Я получил ее по наследству, и с тех пор на мне лежит тяжкое бремя управлять ею, наращивать ее, крошечными шагами приближаться к далекой цели — к той самой, упомянутой вами революции.

Компанию основал еще мой дед в двадцатом веке, и с тех пор она всегда принадлежала нашей семье. Принадлежала, принадлежит и будет принадлежать. Рано или поздно Келли выйдет замуж, и я получу наследника, который продолжит наше дело, так что тут особых проблем нет. Компания возникла в Новой Англии, в одном из городов штата Мэн. Как я уже говорил, ее основал мой дед, человек честный, бережливый и фанатично независимый — полный комплект характерных для Новой Англии качеств. У него была крошечная ремонтная мастерская плюс редкостное умение обращаться с техникой.

Увидев, что правительство и гигантские корпорации прибирают всю страну к рукам, он лег на дно. «Ретрик Констракшн» исчезла, испарилась. Когда правительство принялось организовывать жизнь на новый манер, штат Мэн выстоял чуть дольше прочих. Когда мировые державы и транснациональные корпорации уже поделили между собой весь остальной мир, в Новой Англии все еще держался крошечный островок свободы, именно тогда дед и взялся организовывать «Ретрик Констракшн».

Он собрал горстку достойных людей-техников, ученых, юристов, даже газетчиков.

Компания росла, у нее появилось оружие, оружие и знания. А позже, значительно позже — зеркало и межвременной захват! В обстановке глубочайшей секретности был построен Завод, на что ушло очень много денег, трудов и времени. Завод огромен, гораздо больше, чем вы можете себе представить по вчерашним своим впечатлениям. Там, на Заводе, сосредоточена колоссальная мощь и масса умнейших людей, собранных со всех концов света. Как правило, мы спасаем их от репрессий, выхватываем прямо из-под носа у местных властей.

И однажды, Дженнингс, мы выйдем наружу. Дело в том, что такая обстановка не может сохраняться вечно. Правительства и картели помыкают людьми как им заблагорассудится. Люди беспомощны, беззащитны, но когда-нибудь им это надоест, и возникнет сопротивление. Сопротивление сильное, отчаянное, сопротивление обычных, рядовых людей — шоферов, продавцов, фермеров, официантов. Вот тут-то и выйдет на сцену наша компания.

Мы обеспечим их всем необходимым — оружием, инструментами, знанием. Мы будем продавать им свои услуги. Им потребуются такие, как мы, и они будут нас нанимать. Их будет много, очень много, а потому и денег у них будет много.

Дженнингс молчал.

— Видите, — вступила Келли, — все продумано далеко вперед, все идет по плану, так что ваше вмешательство может только навредить. А это папина компания, раньше она была дедушкина и всегда, *всегда* принадлежала нашей семье. Она для нас родная, она *наша* .

— Работайте с нами в качестве электроника, — сказал Ретрик. — Возможно, тут сказывается наша ограниченность, зашоренность, но мы привыкли руководить компанией сами и не хотим ничего менять.

Не отвечая, Дженнингс медленно пересек комнату, немного постоял, а затем раздвинул занавески и выглянул в окно.

Там, далеко внизу, в потоке машин плыл крошечный черный жучок — патрульная машина ПБ. Свернув к обочине, она присоединилась к другой, уже там стоявшей. Из машины вышли три человека в травянисто-голубой форме. И на той стороне улицы, там тоже толклась целая компания их коллег.

— Трудно вот так вот сразу принять такое серьезное решение, — сказал Дженнингс, отходя от окна.

— Как знаете, — пожал плечами Ретрик, — но выйдя отсюда, вы тут же попадете в их заботливые руки. Они пасутся здесь круглосуточно, так что шансов у вас нет никаких.

— Ну пожалуйста... — начала Келли, вскинув глаза на Дженнингса.

— Подождите, — прервал ее Дженнингс, его лицо неожиданно просветлело. — Значит, ты тактаки мне и не скажешь, где эти материалы? Куда ты их спрятала.

Келли молча покачала головой.

— А не может ли статься... — Дженнингс достал из кармана сложенную вдвое бумажку, неторопливо развернул ее и внимательно перечитал. — Не может ли статься, что ты положила их на хранение в Данн Нейшнл Бэнк и что произошло это вчера, примерно в три часа.

Келли тихо вскрикнула, схватила свою сумочку и начала судорожно в ней рыться.

— Получается, он видел даже это,— задумчиво пробормотал Дженнингс, пряча квитанцию в карман. — Последний амулет. А я-то все голову ломал, зачем он, если все уже вроде бы кончено.

— Ты ошибаешься! — Келли торжествующе взмахнула извлеченной из сумочки бумажкой. — Она как была у меня, так и есть. Не знаю уж, что это там у тебя...

Воздух под потолком офиса сгустился в черный, четко очерченный диск. Диск покачался из стороны в сторону, словно что-то выискивая. Ретрик и Келли смотрели вверх и не шевелились, как завороженные.

Затем из круглой, непроглядной черноты высунулся блестящий стержень с металлической клешней на конце. Прочертив широкую, сверкающую дугу, клешня выхватила из онемевших пальцев Келли квитанцию и снова втянулась в черный круг. Еще мгновение, и круг исчез. И — всё.

— К-куда... куда она делась? — прошептала Келли. — Квитанция. Где она? Что это было?

— Она в надежном месте. — Дженнингс похлопал себя по карману. — В очень надежном месте. А я-то уже начинал волноваться, чего он так долго тянет.

Ретрик и Келли потрясенно молчали.

— Ну чего у вас такие вытянутые лица,— улыбнулся Дженнингс и скрестил руки на груди. — Ничего же такого не случилось. Квитанция в полной безопасности, компания — тоже. Она будет и дальше крепнуть и готовиться к грядущей революции, мы об этом позаботимся — вы, Ретрик, а вместе с вами ваша дочь и я. Мы трое. — Он посмотрел на Келли и весело прищурился. — А со временем нас может стать и больше.

---

notes

1

Сказка о бобовом стебле (ростке) встречается в фольклоре очень многих народов. В начальном эпизоде одного из английских ее вариантов мальчик Джек добровольно отдает корову за пять бобовых зернышек. (*Примеч. пер.*)

2

Роланд — один из полководцев Карла Великого, герой раннесредневекового французского эпоса «Песнь о Роланде», повествующего о героической защите от мавров (исторически — от басков] Ронсевальского ущелья.